

Покуда длится ни когда

18+

(что-эпическая бессюжетность)

Аврора Ливрова

Аврора Ливрова
**Покуда длится никогда. Лиро-
эпическая бессюжетность**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343448
ISBN 9785447437831*

Аннотация

Подзаголовок на обложке расшифровывает особенность жанра. Обрывки образов и наброски историй не склеиваются в единый связный сюжет с последовательным развитием событий и внятной концовкой. Вместе с тем, в отличие от лирики в чистом виде, главы наравне с воспроизводством внутренних ощущений и размышлений рассказывают отдельные эпизоды и цельные жизненные ситуации.

Содержание

Автопосвящение	5
Эффект бабочки в животе	10
Окольцованные	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Покуда длится никогда
Лиро-эпическая
бессюжетность
Аврора Ливрова

Валерия Витальевна Стручкова *Дизайнер обложки*

© Аврора Ливрова, 2020

© Валерия Витальевна Стручкова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-3783-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автопосвящение

Женщины любят писать о мужчинах, делая вид, что досконально их знают. Мужчины отплачивают им тем же. Иногда, впрочем, и те, и другие, действительно угадывают. Хотя чаще люди не понимают толком даже себя, не то что противоположный пол.

Делиться выводами о человеческих отношениях, пожелауй, было бы уместней с высоты пережитого опыта в 72 года, а не в 24. Впрочем, ничто не мешает мне в 72 написать второй том и сравнить показания. Посмотрим, насколько эволюционирует за полвека моё мировоззрение.

Пожелав посвятить кому-нибудь это произведение, я попала в затруднение. В нём отразилось моё взаимодействие с десятками людей, сыгравшими для меня важные или эпизодические роли. На мысли и умозаключения, к которым я пришла, меня наталкивали все, кому не лень. Да и кому лень, потому что они от этого не перетрудились, а порой даже не подозревали, что их личность или история оставили след, да ещё и в литературе.

Мне следует благодарить мужчин, с бóльшим или меньшим успехом претендовавших на какое-либо место в моей жизни, подруг, деливших свои новостями и чувствами, а также знакомцев и знакомок, наслышанность о ко-

торых произвела на меня впечатление и отложилась в памяти. В обмен на бессонные ночи, нервные клетки и кубометры моей эмпатии все эти люди предоставляли мне свой опыт и иногда попутно формировали мой.

Я слишком многим обязана материалом для этой книги. Слишком многим и вместе с тем никому. Здесь не за чем упоминать ничьи имена и давать указания на конкретных людей. Для одних это оказалось бы чересчур большой честью: ведь в том, что я обратила на них внимание и испытала в их адрес эмоции, нет их заслуги, лишь стечение обстоятельств, которые в подходящий момент окружили меня соответствующей ситуацией с их участием. Прототипы других не стоит раскрывать, напротив, ради их же интересов, из риска их скомпрометировать. Третьих же назвать ничто бы не мешало, да только их влияние на мою книгу не больше, чем людей из первых двух категорий, поэтому нечестно выставлять их единственными вдохновителями и придётся умолчать о них тоже.

Так и вышло, что посвятить это произведение я решила себе самой. Себе как человеку, накопившему и переосмыслившему все вошедшие в главы образы, и своей прежней жизни, которая по мере их написания плавно менялась – к счастью, исключительно к лучшему.

Я заранее сочувствую тем из читателей, кто знает меня лично. Если остальные, соперезживая персонажам, станут

отыскивать в них сходство с собой и своим окружением, то эти – сходство со мной и с моим.

*Писать вообще опасно, а уж тем более от первого лица, которое обожают воспринимать буквально, сколько ни за-
веряй в случайности любых совпадений и в полной вымыш-
ленности всех событий и героев. И всё же, чтобы прояснить
истинное соотношение содержания с реальностью, я, поза-
имствовав цитату из своего любимого фильма, должна ска-
зать, что в этой книге прошлое, настоящее, будущее, «ес-
ли» и «может быть» сливаются воедино.¹*

*Подзаголовок на обложке расшифровывает особенность
жанра. Обрывки образов и наброски историй не склеивают-
ся в единый связный сюжет с последовательным развити-
ем событий и внятной концовкой. Вместе с тем в отли-
чие от лирики в чистом виде главы наравне с воспроизвод-
ством внутренних ощущений и размышлений рассказывают
отдельные эпизоды и цельные жизненные ситуации.*

*Единственная героиня, которая имеет своё имя в книге,
это Судьба. Она предстаёт здесь не метафизической пере-
менной, а вполне конкретным действующим лицом, с кото-
рым рекомендуется считаться.*

*Что касается остальных персонажей, обезличенные
«он», «я», «она», «они» представляют собой собирательные
образы, символизирующие многообразие позиций в челове-*

¹ Цитата из фильма Боба Гейла «Трасса 60».

ческих взаимоотношениях. Нельзя вычлениить несколько линий повествования, закреплённых за каждым из героев; «я» и «он», как и прочие субъекты книги, распадаются на совокупность параллельных реальностей с разными сценариями.

Эпиграфы подбирают из чужих произведений и ставят в начале для намёка на ядро дальнейшего содержания. Эпилогами же, располагая их в конце, подводят итог и расставляют точки.

Квинтэссенция этой книги заключена в четырёх катренах, которые не тянут на эпилог, поскольку лишены осязаемой конкретики и явной связи с самими главами, но не соответствуют и формату эпиграфа, потому как принадлежат моему же авторству, да и разместить их я предпочла в финале.

Я условно назову их, смешавших признаки двух элементов, «эпилогаф». И, предвосхитив ожидания читателя отсылкой к этому ключу понимания главной идеи, оставлю на его усмотрение, открыть ли теперь следующую страницу, чтобы идти по порядку, или сразу последнюю, чтобы добраться до ёмкой сути, или же и вовсе воздержаться от выхода за пределы Автопосвящения, которое кое-кого могло уже успеть утомить.

Эффект бабочки в животе

Никогда больше я его не увижу. Мой первый взгляд на него, тот самый пресловутый первый взгляд, с которого в романтических историях начинается большая любовь, в нашем случае совпадёт с последним. Эта встреча не может иметь продолжения, мы слишком разные, нас разлучает буквально всё, и нам не быть вместе. Никогда.

Так рассуждала я в день знакомства с человеком, который сейчас растит со мной наших детей.

Моё «никогда» длилось долго. Я с детства отличалась упрямством. Поместив его в свою голову, я не спешила от него отказываться. Вопреки очевидным намёкам судьбы, вопреки нашим собственным желаниям. До тех пор пока не осознала, что на самом деле любое произнесённое нами «никогда» не приравнивается к вечности, а имеет срок. Вполне конкретный срок, не обязательно даже длинный. Его определяем мы сами.

Демоны справедливости утверждают: каждому достаётся по его вере. Я получила по своей. Я верила, что у нас не выйдет быть вместе. У нас и не выходило.

Встреч, на которые я шла с убеждённостью, что эта станет последней, у нас состоялось свыше тридцати.

Мы оба частенько зарекались не допускать «впредь нико-

гда» целого списка вещей. Никогда больше не видеться. Если уж видеться – то никогда не целоваться. Никогда не срывать-ся на откровенность, чтобы не давать повода себя обмануть. Никогда не идти на уступки друг другу... Все наши «никогда» нарушалось многократно, методично и регулярно.

Под наплывом негативных эмоций каждый из нас жалел, что мы вообще познакомились. Он предпочёл бы, чтобы в его жизни обошлось без человека, доставившего ему столько боли. В его власти было лишь избавиться от моего общества в настоящем, но от запоздалого разрыва со мной у него не стёрся бы из памяти пережитый опыт, не зарубцевались бы сердечные шрамы. Добавилась бы лишь новая форма страданий от скучания по мне. Потому он и печалился о необратимости времени, о невозможности выбросить из прошлого начало отсчёта событий, лежавших теперь грузом у него на душе.

Порой и я думала, как прекрасно было бы аннулировать наше знакомство. Дело не в том, что мне хотелось не связываться вовсе с этим человеком. Я ценила многое хорошее, привнесённое им в мой мир. Но я переписала бы сценарий нашей первой встречи. Переназначила бы её на более подходящий день, когда мы оба уже поумнели и разобрались в своих ожиданиях от жизни. Поместила бы её в другие обстоятельства, чтобы ничто не сформировало у нас, как тогда, предубеждения друг против друга. Начавшись позже и иначе, наша история развивалась бы быстрее и счастливее. Ес-

ли бы мы нашли друг друга сейчас, когда умеем ценить отношения и готовы к ним, мы не имели бы за плечами годы исковерканной любви и сразу приступили бы к строительству совместного счастья.

У судьбы свой взгляд на вещи. По её мнению, тем, какими мы стали, мы обязаны тому, какими были. Не существовало другого пути, чтобы привести нас к состоянию зрелости, столь нужному для нашего будущего. Счастливую историю определила несчастная предыстория. Мы роптали на мешавшие нам события, полагая, что них не могли быть вместе. В действительности мы не смогли бы быть вместе них. *из-за без*

Злые обстоятельства – это или , или проверка судьбы. При столкновении с ними главное – угадать, что из двух. Понять, отводят ли тебя небеса от не твоего дела, в которое ты напрасно ввязался, или намекают, что надо бороться, используя шанс закалить свою стойкость. *не судьба*

Когда мы впервые встретились, у меня предупреждающе ёкнуло сердце: теперь что-то пойдёт не так. И действительно. Всё отныне пошло не так, как предполагалось мной изначально. Уже после согласования плана моей жизни со мной судьба вдруг внесла туда его, забыв выслать мне извещение. У меня не имелось вакантных мест в настоящем, и уж тем более он не вписывался в моё будущее. Пришлось потеснить всё и всех.

Наша встреча была случайной до неприличия, чем вы-

давала свою неслучайность. Если событие, которое никак не могло произойти, происходит, это признак его судьбоносности. Столь же не подлежащей ожиданию, как и наше знакомство, казалась мне перспектива нашей свадьбы. Деля по формуле теории вероятности число раскладов, которые могли бы ей увенчаться, на все возможные варианты развития отношений, я получала ноль.

Как известно, взмах крыла бабочки на одном конце земного шара способен кардинально откорректировать динамику новостей на другом. Тот же эффект имела для меня наша встреча, переломившая ход всей моей дальнейшей жизни. Видимо, роковой взмах крыла совершила одна из бабочек, запорхавших от первого же взгляда на него у меня в животе... ²

То, чего он больше всего хотел и чего больше всего боялся, было одной и той же вещью. Он видел во мне зараз и источник высшего счастья, и причину жгучих страданий. Рядом со мной ему поочерёдно становилось то сказочно спокойно, то невыносимо тревожно. Он не мог ни положить конец притяжению ко мне, ни полностью отдаться своим чувствам из страха разочарования, контраст которого с поманившей надеждой на счастье оказался бы для него особенно

² Аллюзия на пересечение двух понятий: естественнонаучного термина «эффект бабочки», используемого для характеристики влияния малого события на глобальную систему, и крылатого выражения «бабочки в животе», обозначающего влюблённость.

мучительным, в случае если бы наши отношения не сложились.

Не складывались они именно из-за его двойственности. Его попытки быть одновременно и далёким, и близким изводили меня. Я с трудом балансировала между обеими его гранями, не успевая переключаться, когда он, словно по щелчку, превращался из ангела в чудовище и обратно, без повода, без предупреждения. Как гром среди ясного неба, в разгар моего наслаждения его нежностью ко мне раздавались ранящие слова, и всё хорошее, что он только что делал для меня, наполняя меня внутренним теплом и радостью, перечёркивалось очередной внезапной выходкой.

Опасаясь привязанностей, он отваживал от себя людей, выпячивая худшие свои черты. Принимая эти ухищрения за чистую монету, никто не уживался с ним подолгу, не дорожил им всерьёз, и круг его общения обновлялся подобно хаотично сменяющимся узорам калейдоскопа. Я составила исключение. Моя любовь помогала мне распознать сквозь ворох провокаций его упование, что однажды кто-нибудь примет его вопреки его скверному поведению, и тогда в скверном поведении, которым он испытывал людей, удерживая их на расстоянии, отпала бы необходимость, и он не прятал бы впредь свою доброту и потребность во встречной ласке.

Он умел быть и бывал лучшим из мужчин, с которыми мне когда-либо доводилось иметь дело, и общение с ним приносило мне несравненные ощущения. Ради шанса на их

возобновление терпела я периоды проявления его «второго я». Периоды, когда пересечение с ним не доставляло ни малейшего удовольствия и вызывало единственное желание дистанционироваться от него. Периоды, когда, устав от его нелепого упрямства и глупого самопозиционирования, я отдалялась и, скучая по другому его волшебному образу, не сразу решалась вновь подпустить его к себе, не зная, который из них застану в нём.

Расставание полезно, когда маячит на горизонте, напоминая, что опрометчиво питать себя иллюзиями, будто фигура рядом никуда не денется. Я прибегала к нему как к *ultima ratio*, предварительно доводя человека до высшей степени привязанности, чтобы оно страшило его как никогда. Зато не соглашалась на него, если он, сердясь на меня, бывал не против его принять и даже инициировать.³

Когда в мыслях о любви преобладает хорошее, риск её утраты окрыляет на борьбу. Но тот же риск опускает руки, когда душа утомлена переживаниями и настроена пессимистично. Чтобы угроза расставания повышала ценность отношений, для её возникновения нужен подходящий момент. Выбор его – своего рода искусство.

Пока я выделяла срок на отдых друг от друга, чтобы оздоровить наше напряжённое общение, он расценивал моё исчезновение как шанс забыть меня. Затрачивая кучу сил на изгнание навязчивых мыслей обо мне, он едва только ре-

³ *Ultima ratio* (лат.) – крайнее средство.

шал, что пора гордо поздравить себя с победой над изводившей его любовью, как я, освежив свои чувства выдержанной паузой, снова появлялась перед ним, и его недели и месяцы хвалёной «борьбы за независимость» шли насмарку.

Иногда он решал за меня, что для нас обоих было бы лучше пропасть из жизни друг друга. Придумывал самый, на его взгляд, «гуманный» и безболезненный для меня способ разрыва, который на деле обязательно повергал меня в наихудшее душевное состояние. Я не из тех людей, которым можно навязать сценарий касающихся их событий, пока сами они не готовы его принять как уместный и целесообразный.

Он мог бы добиться, чтобы я захотела бесповоротно оставить его. Если бы убедил меня, что является в корне другим человеком и что я ошибочно приписывала ему те качества, из-за которых так им дорожила. Если бы пресытил меня ровным, прохладно-доброжелательным общением, сведя на нет даже воспоминания о прежде кипевших между нами страстях. Если бы дал мне ощутить, что равнодушен ко мне и что я одинока в своих чувствах, не разделяемых им. Вместо этого своим непоследовательным, эмоциональным, исступленным поведением он ещё крепче утверждал меня в мысли, что переживал не меньше меня самой. Избегая объяснений, он призывал меня просто смириться с нашим расставанием, а настаивая на его необходимости, лишь доказывал мне его бессмысленность. И, глядя на метания этого вконец запутавшегося в себе человека, я отчётливо понимала: чего

мне точно не следовало делать, так это разрешить ему обрубить, не разобравшись, нашу историю, где любовь с обеих сторон не планировала умирать, а насильственно убивать её стало бы непростительной глупостью. И, предотвращая эту глупость, я противилась его решению, которому внутренне сопротивлялся и он сам, подсознательно ища предлог его переменить. Его сердце было на моей стороне, и совместными усилиями мы довольно быстро переубеждали его.

Я тоже временами сдувалась от затянутости нашей драмы, но стоило моим силам очутиться на исходе, как он непременно совершал поступок, от которого у меня открывалось второе, третье, четырёхсотое дыхание...

Его настрой покончить с нашими отношениями ни разу не совпал с моим, и эта несинхронность оказалась спасительной. Судьба, не имея власти помешать нам делать глупости, по крайней мере зорко контролировала, чтоб ни один из нас не переполнил чашу терпения другого «последней каплей». Сохраняя нас в подвешенном состоянии, она заботилась, чтобы с мёртвой точки, на которой мы застряли и годами топтались, мы хотя бы не перешли к «точке невозврата», откуда невозможно сдвинуться вперёд из-за тянущего назад избытка непрощаемых обид.

Бессчётное множество раз я парировала со всех сторон вливавшиеся мне в уши предложения усомниться, точно ли он «мой человек». Нельзя не ужаснуться, сколько же вокруг

меня людей, не понимающих себя, если они полагают, что и я подобно им не в состоянии отличить любовь всей жизни от рядового знакомого.

Такие проецируют на чужие отношения опыт собственных историй, в которых они либо поленились до победного бороться за своё счастье, либо же по итогам борьбы обнаружили, что получили вовсе не то. Им дико и странно принять, как могу я знать, чего хочу, и располагать достаточными силами, мудростью и терпением, чтобы этого добиться.

Мы с ним не быстро сделали былью сказку нашей мечты, но даже в худшие наши моменты мне было некому позавидовать из окружавших меня влюблённых. Среди многочисленных парочек, маячивших у меня перед глазами, ни одну я не назвала бы образцом, на который хотелось бы равняться в построении личной жизни.

На своих подруг я смотрела как на людей пропащих. Когда они рассказывали мне, как они счастливы, я беззвучно бормотала: «Боже упаси от такого счастья себе...» С появлением парня для них закрывался остальной мир, ликвидировались прежде интересовавшие и оживлявшие их формы времяпровождения, отпадала потребность в общении с кем бы то ни было кроме их половинки. Меня пугало, как люди растворяются в отношениях. Я придерживалась мнения, что, чем замкнуться в двухместной скорлупке под влиянием любви, уж лучше держаться от неё подальше.

Со стороны у меня складывалось впечатление, что во мно-

гих парах люди хватались друг за друга из страха одиночества, компенсируя наличием партнёра собственную неполноценность. Не чувствуя себя в гармонии наедине с собой, они нуждались в человеке рядом не столько из-за ценности его самого, сколько из-за потребности быть кем-то восхваляемыми и превозносимыми. Настраивали себя на любовь, чтобы согласно правилам честной игры получить взаимность. Отсюда и несуразная, легко уязвляемая гордость, и способность безболезненно переключаться с одних отношений на новые, как только партнёр прекратит поставлять необходимые для самоутверждения эмоции.

Чем выше самооценка, тем проще любить, предаваясь чувствам без отвлечения на решение собственных психологических проблем. Моя самооценка всегда была настолько высокой, что редкий небоскрёб мог бы с ней сравниться. Быть с любимым для меня не способ устранения дискомфорта – я не испытываю его, когда одна, а способ абсолютизации счастья – оно ведь ярче, когда есть с кем им делиться.

Мне нужен кто-то, дорожащий свободой и самодостаточностью не меньше меня. Но если в моём понимании эти ценности гармонично сочетаются с отношениями, в мужском сознании они распадаются на приверженность к чему-то одному. В результате вокруг меня в ассортименте имелись готовые к созданию семьи парни, которые мне не подходили, тогда как единственный, кто мне подходил, к семье был совсем не готов.

В подростковом переходном возрасте, когда уже начинаешь задумываться об отношениях, но ещё понятия не имеешь, как их строить, я была не против браков по расчету. Я не имею в виду те образцы меркантильности, когда подыскивается партнёр побогаче, а смысл замужества сводится к паразитированию за его счёт. Но я подменяла любовь рациональным выбором, допуская, что для обретения спутника жизни следует проделывать комплексный анализ достоинств потенциальных кандидатов, а также их совместимости с собственными чертами характера, целеустановками и убеждениями.

Моя теория не выдержала первого же столкновения с практикой. Судьба подпихнула мне человека, союз с которым представлялся настолько невыгодным, насколько только возможно вообразить. Ему стопроцентно не приходилось подозревать, не расчёт ли мной движет в желании быть с ним. Мириться с его трудным характером, предвидя, что в награду за долготерпение замужество подарит жизнь, полную трудностей и борьбы за место под солнцем, можно не иначе как по большой любви.

Едва непрошеным гостем в меня проникло настоящее чувство, как мне появилось, с чем сравнивать, а потому ни уважение к другим, ни признание их добродетелей и перспектив удачной партии с ними уже нельзя было спутать с тем единственным, что может и должно являться основой

отношений.

Беда многих людей в том, что задолго до того, как их посещает это самое «настоящее чувство», которое ни с чем не спутаешь, у них формируется потребность в паре. Стремление реализовать её толкает на целенаправленный поиск объекта любви, а сама любовь притягивается за уши: ведь если человек полон решимости срочно кого-нибудь полюбить, сердцу остаётся только подчиниться.

Эмпирические наблюдения за окружающими открыли для меня, что, оказывается, выбрать любимого можно тремя разными способами: сердцем, мозгом или гормонами. Причём которым из последних двух вариантов будет руководствоваться человек, зависит от его социального положения. Дворники, торговцы шаурмой и фруктами, охранники, а также ещё целый ряд профессий, условно обозначаемых «рабочим классом», доверяют своим инстинктам, а потому каждая симпатичная девушка удостоивается, чтобы её осмотрели раздевающим взглядом, почмокали и посвистели ей вслед, предложили познакомиться и пообещали тут же жениться. Те же, кто относят себя к страте «интеллигенции», подходят к делу с умом. Наравне с внешностью и, быть может, даже в большей степени, такие парни уделяют внимание образованию и характеру избранницы. Приходя на место учёбы или работы, они принимаются тщательно «сканировать» женскую часть коллектива, присматривая подходящие экземпляры, среди которых селекция «единственной и непо-

вторимой» впоследствии произойдёт по принципу «с кем вперёд получится».

Хотя предыдущий абзац посвящён мужчинам, девушек не миновала та же участь. Падкие на комплименты и уж тем более на ухаживания, многие, достигнув возраста, когда становится «уж замуж невтерпёж», преисполняются готовности увидеть потенциального спутника жизни в любом обратившем на них внимание самце и примеряют его фамилию к своему имени уже накануне первого свидания.⁴

При выборе гормонами и мозгом не так важно, с кем именно быть, лишь бы этот кто-то соответствовал нуждам и давал необходимые ощущения. При выборе сердцем, наоборот, хочется быть с конкретным человеком, а то, насколько он обеспечивает желаемый характер отношений, определяет, предстоит ли страдать или жить счастливо, но не влияет на мечту оставаться с ним.

Научившись отличать, что из триады ответственных за поиск любви индикаторов движет мужчинами, положившими глаз на меня, я стала просто невыносимой.

Ухаживать за мной сделалось необычайно трудно. Романтика и красивые фразы, заставляющие млеть и таять от умиления 98,9% девочек, на меня не имели никакого эффекта. В лучшем случае. В худшем же вызывали отторжение.

Дело не в том, что я черства и до безобразия прозаична.

⁴ Мнемоническая поговорка для запоминания наречий-исключений, пишущихся без мягкого знака после шипящих на конце.

Мне нравятся и цветы, и прогулки под луной, и совместное встречаение рассвета, и поцелуи на набережной, и безделушки, по суевериям символизирующие любовь, да и к клятвам верности я настолько благосклонна, что даже готова их давать. Но всё это мне дорого и ценно не само по себе, как атрибутика, применимая к какому угодно ухажёру, а только рядом с тем, кого я предварительно выбрала сама, причём, естественно, сердцем.

Впрочем, сердцу я тоже на слово не верю, и, когда однажды оно мне торжественно заявило, что у него случилась великая любовь с первого взгляда и до последнего вздоха, я бесцеремонно его одёрнула и приструнила.

Гармония в «триаде» была достигнута не сразу. Мозг, тогда ещё приверженный пережиткам подростковой теории брака по расчёту, категорически не принимал избранника, которого подсовывало ему сердце. Гормоны в общем-то встали на сторону последнего, но им я право голоса не давала, и их расположенность к рассматриваемой кандидатуре, наоборот, удвоила мою настороженность. Я меньше всего хотела вляпаться в историю, когда эротическое влечение к человеку затмевает разум и порождает раболепную зависимость от желания быть с ним на любых условиях и при любом его поведении.

Тем не менее оставшийся в меньшинстве мозг постепенно начал сдавать позиции, и его доводы всё чаще звучали подобно гласу вопиющего в пустыне. Я мужественно дисци-

плинировала себя следованием его рекомендациям, но установка на «никогда» в моей мечте о жизни с этим человеком повергала меня в панику.⁵

Я преувеличивала его недостатки, чтобы отвести себя от мыслей о нём, но чувства брали верх. Вскоре мне надоело страдать от угрызений совести, что я никак не совладаю с собой и люблю его вопреки собственному решению настроиться на противоположное. Чтобы успокоить себя оправданием этой привязанности, я бросилась в другую крайность: если сначала я его недооценивала, то теперь стала идеализировать. Надо же было найти благовидное объяснение своему состоянию. Раз я его настолько обожаю, значит он самый лучший, не иначе.

После долгих метаний между взаимоисключающими противоречиями, мой внутренний мир к величайшему моему облегчению сбалансировался.

Мозг согласился пересмотреть свои принципы. Если уж угораздило полюбить мужчину, который, мягко выражаясь, слабо похож на ранее сформированную модель искомого спутника жизни, ничего не остаётся, кроме как подогнать модель под его параметры.

Гормоны пообещали вести себя прилично и заверили, что не претендуют на доминирующее мнение. Влечение тела дополняло, но не подменяло стремление души, а двухуровне-

⁵ Глас вопиющего в пустыне – библейское выражение (Ветхий Завет, Книга пророка Исайи, гл. 40, ст. 3). Означает «тщетно призывать к чему-либо».

вая физическая и эмоциональная близость составляет оптимальный симбиоз для отношений в паре.

Сердце праздновало победу. Я отныне старалась беречь, а не прогнать свои чувства к нему, которые больше не считала компрометирующими меня. Напротив, они мне нравились, так как активировали всё лучшее и благородное, что во мне есть.

Он объективно не идеален. Впрочем, не идеален никто из добивавшихся моего расположения. Но при прочих равных условиях только в отношении него я испытывала отголоски того кажущегося мне ядром любви чувства парящих в животе бабочек, которое хотела бы испытывать к мужу.

Окольцованные

Что такое «не судьба» я поняла, после того как так и не начала за пять лет встречаться с человеком, с которым всё это время нас связывала взаимная симпатия. Мы нравились друг другу, мы сходились характерами, нас объединяли похожие жизненные цели, мы оба были настроены на создание крепкой семьи. Если бы мы вступили в отношения, они стали бы на редкость гармоничными и мы наверняка сумели бы их сохранить: трудно представить себе, чтобы кто-то из нас подал повод к расставанию. А потому судьба предусмотрительно не допустила, чтобы мы попробовали быть вместе. Она бдительно и неусыпно следила за нами, годами отводя каждую возможность нашего соединения. И как же я ей за это благодарна!

У него не ладилась личная жизнь. У меня тоже. Его предавали, меня разочаровывали. Мы оба были наделены массой качеств и оба обладали фантастическим талантом выбирать в пару людей, недостойных нас. Мы дружили. Слушая его представления об идеальной женщине, я узнавала в описании себя. Формируя образ мужчины своей мечты, я признавала за ним соответствие большинству критериев.

Он расставался с девушкой всякий раз именно тогда, когда я находила парня, и оставался одиноким ровно столько, сколько я была несвободна. Он предпринимал попытки уха-

живать за мной в те самые моменты, когда я хотела отдохнуть от мужского внимания, и отступал, как только внутри меня созревала готовность к отношениям. Он уезжал из города, стоило мне вернуться после долгой отлучки, и наоборот.

Судьба очень старалась нейтрализовать все подходящие для развития событий моменты, надо отдать ей должное.

Если бы всё сложилось иначе, мы бы поженились, и прекрасно бы ладили, и жили бы душа в душу, и думали бы, что счастливы. Возможно, думали бы так до конца своих дней. А возможно, однажды столкнулись бы с драмой, которая бы лишила нас семейного покоя. И трудно сказать, какой из двух сценариев трагичней. Что лучше: внезапно встретить настоящую любовь, когда уже связан узами с другим человеком и привык считать его своей половинкой, или не встретить её вовсе, всю жизнь иллюзорно выдавая себе за неё совсем другое и веря в этот обман за неимением альтернативы? Нам повезло, что судьба лишила нас шанса на совместное благополучие, сохранив за нами шансы на счастье порознь.

Но не ко всем судьба столь благосклонна, как к нам.

Знакомясь с людьми, я размещаю их по периметру огромной воображаемой окружности. Чтобы добраться от неё до сердцевины моего доверия, необходимо преодолеть гигантское расстояние.

С ним я ощущала феноменальную интуитивную связь

и духовную близость, благодаря чему он очутился в миллиметре от пункта «назначения» на роль моего мужчины.

Но природная замкнутость насоветовала ему побояться ответственности за приручение кого-то, кем – что ещё страшнее – он чувствовал приручённым себя, и остановиться в нерешительности в последний момент.

Время, затрачиваемое на путь, вычисляется делением расстояния на скорость. Свою скорость, застыв на месте, он приравнял к нулю, а потому существовала вероятность, что у него появится соперник, который, стартовав несравненно позже, расправится с дистанцией быстрее, чем он успеет осилить единственный остававшийся ему шаг.

...А я просто ждала, воздерживаясь делать ставки, что из этого произойдёт раньше.

Если кто-то обращается с вами с уважением, это ещё не гарантирует, что вас есть за что уважать: возможно, ему просто с детства привили уважительное поведение с кем бы то ни было. Если о вас помнят и вам уделяют время, это вовсе не обязательно означает, что вы заслуживаете заботы, зато явно указывает на внимательность и чуткость, присущие характеру другого. Если вас искренне любят, не обольщайтесь, будто это признак вашей неотразимости, это лишь признак того, что перед вами человек, умеющий любить. Не судите себя по отношению к вам других людей: оно больше говорит об их достоинствах, чем о ваших...

В моей любви к нему переплелись две сущности: эгоистичная и альтруистичная.

Первая ни за что не позволила бы мне предложить ему перемирие после всех его провинностей, покуда он не вселил бы в меня уверенность, что твёрд в желании прилагать усилия для исправления наших отношений.

Вторую мало волнуют ультиматумы моей гордости, ей главное удостоверяться, в порядке ли он.

Я охотно желала бы ему добра как отстранённый наблюдатель, не вовлекаясь в изматывавшее меня общение с ним, раз уж сам он делал вид, что был в нём отнюдь не заинтересован. Но у судьбы имелись иные планы на мой счёт. Выбирая, кому бы доверить спасение от падения на дно жизни этого человека с чистой душой и невыносимым характером, она приглядела меня как единственную подходящую кандидатуру, но заподозрила, что моей доброты хватило бы не более чем на пассивное сочувствие ему, как и тысячам других несчастных, на которых порой обращался мой взор. Ей же надо было мотивировать меня на активные действия, чтобы я неугомымо вкладывала силы в помощь ему, каким бы неблагодарным делом это ни казалось. И она не придумала ничего лучше, чем внушить мне любовь к нему: ведь тогда уже мне не отвертеться, тогда я выделю его из толпы вредящих самим себе глупцов и не отвернусь от него, потому что не возвращу себе покой иначе как через уверенность в его благополучии.

Впрочем, судьба играет по-честному. Раз уж в своих целях она пошла на хитрость и вмешала в дело любовь, дальше за выполнение мной порученной роли я удостоилась от неё награды в виде всех вытекавших из посланного мне чувства последствий, включая взаимность и прочный брак.

Сказки опасны тем, что чересчур часто они заканчиваются свадьбой. Наслушавшись и начитавшись их, маленькие девочки приучаются мечтать о замужестве, потому что для них это архетип счастливого конца любой истории как для нищенки, так и для принцессы.

Стратегическая ошибка в том, что в жизни свадьба не счастливый конец, точнее, это вообще не конец. И не начало, и даже не рубеж. При современном укладе «до» и «после», которые она разделяет, слишком уж похожи друг на друга. Первая брачная ночь обычно не первая, да и совместная жизнь для большинства начинается значительно раньше посещения Дворца бракосочетания.

Поэтому и оказывают сказки медвежью услугу, подсознательно делая свадьбу самоцелью. К ней часто стремятся как к красивому символу любви и счастья, не вдумываясь толком в наполнение понятия супружества.

Свою готовность к замужеству я оценила, когда заметила, что слишком хорошо научилась жить одна. Долгое время я справлялась кое-как с повседневными нуждами, но мои домашние хлопоты урывками явно нельзя было назвать «ве-

дением хозяйства». А однажды, вдруг повзрослев, стала готовить настолько искусно, распределять бюджет настолько целесообразно, поддерживать порядок с таким вкусом и уютom, что растрачивать подобные навыки только на собственную персону сделалось как-то неприлично. Напрашивалось заполнение кем-то вакуума, образовавшегося, когда мой образ жизни мало-помалу перестроился в сторону ориентированного на семью.

Я осознала тогда, что роль женщины не сводится к функциям домохозяйки, но и не может быть исполнена достойно без созревания до амплуа хранительницы очага, без установки ежеминутно помнить о необходимости заботиться не о себе одной.

Если верить слухам и пословицам, быт грозит вдребезги разбить чувства, опошлить романтику. В нашем случае вышло наоборот: брак облагородил повседневность. Совместная жизнь украсила наши обыденные дела, которыми пестрит опрозаиченная рутина, неожиданной трогательностью. Помыть посуду не может быть более приятно, чем сходить на свидание, но независимо от того, есть ли возможность ходить по свиданиям, посуду мыть семь дней в неделю предстоит всё равно. И с тех пор как мы друг у друга появились, её мытьё, равно как уборка, стирка и прочая аналогичная дребедень тяготят нас меньше. Что угодно доставляет хоть немного удовольствия, если делать это вместе, когда есть талант наслаждаться друг другом даже в самых тривиальных

жестах и вкладывать желание порадовать друг друга даже в помощь по дому.

Я знала, что он сделает предложение, так же, как люди знают, что умрут. В каком-то участке мозга живёт твёрдая уверенность в событии даже в те моменты, когда оно кажется далёким и неправдоподобным. И, точно прогнозируя сам факт наступления этого события, нельзя предугадать наверняка даже примерный его срок. Остаётся безропотно ждать, причём сколько его ни ждёшь, оно всё равно произойдёт неожиданно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.